

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

---

*К семидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1976

К ВОПРОСУ О ЛИЧНЫХ И НЕЛИЧНЫХ ФОРМАХ ГЛАГОЛА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем в тюркском языкознании продолжает оставаться определение грамматической сущности и синтаксических функций причастных, деепричастных и отглагольно-именных (масдарных) конструкций, характерных для тюркских языков. Как справедливо отметил А. Н. Кононов, «едва ли можно назвать другую тюркологическую проблему, где бы расхождения во взглядах были столь разительны.

Существуют три основные точки зрения на синтаксические функции упомянутых форм:

1. Причастные, деепричастные, отглагольно-именные конструкции выступают в функциях придаточных предложений.

2. Причастные, деепричастные, отглагольно-именные конструкции входят в состав простого предложения на правах его развернутых членов, так как, по мнению сторонников этой точки зрения, основной признак любого предложения (главного и придаточного) — наличие именного или глагольного сказуемого.

3. Причастные, деепричастные, отглагольно-именные конструкции становятся сказуемым придаточного предложения только в том случае, если при них есть подлежащее, отличное от подлежащего главного предложения. Эту точку зрения впервые (в отношении причастий и деепричастий) сформулировал П. М. Мелиоранский; затем ее развил включением формы на *-мак* А. Н. Самойлович; позднее этой идеей воспользовались Н. К. Дмитриев и многие другие тюркологи.¹

В последние годы Н. З. Гаджиевой была высказана своя точка зрения по данному вопросу, согласно которой причастные, деепричастные и отглагольно-именные конструкции с самостоятельным субъектом действия представляют собой особую структурную единицу — зависимые трансформы, образовавшиеся в процессе развития сложноподчиненного предложения в тюркских языках.²

Проблема разграничения в тюркских языках придаточных предложений и причастных, деепричастных и отглагольно-именных оборотов в общей сложности сводится к вопросу о том, могут ли неличные формы глагола выполнять функцию сказуемого

зависимого предложения. При этом исследователи большей частью исходят из того представления, что в тюркских языках (современных и древних) личные и неличные формы глагола четко разграничены. Поскольку причастия и деепричастия в их общелингвистическом понимании относятся к неличным формам глагола, не обладающим предикативностью, постольку многие тюркологи вполне правомерно отрицают возможность существования придаточных предложений с причастными и деепричастными формами в функции сказуемого. Однако тот факт, что эти формы употребляются с самостоятельным субъектом действия, дает возможность другой группе тюркологов рассматривать их как сказуемые особого типа, выражающие подчинительную связь в придаточных предложениях.

Отмечая полифункциональность тюркских глагольных форм на *-ар/-ыр*, *-мыш*, *-џан/-ан*, *-дык*, *-ажак*, *-а/-е*, *-ып* и некоторых других, большинство исследователей все же считает, что каждая из этих форм первоначально имела только одну синтаксическую функцию, а все остальные функции возникли в процессе дальнейшего грамматического развития данной формы. По мнению одних, такой первичной функцией является предикативная (соответствующая личной форме глагола),³ другие считают исходной атрибутивную функцию (соответствующую причастию),⁴ третьи признают для одних форм первичной атрибутивную функцию, а для других — адвербиальную (соответствующую деепричастию).⁵ Таким образом, одни тюркологи считают наиболее древними личные формы глагола, а другие — неличные (причастия, деепричастия), т. е. и те и другие исходят из допущения дифференцированных глагольных форм.

Между тем, в тюркских языках имеются явные признаки недостаточной дифференцированности личных и неличных форм глагола. Так, известно, что глагольные формы на *-ар*, *-ажак*, *-мыш* выполняют в огузских языках и атрибутивную, и предикативную функции, на основании чего они обычно считаются в грамматиках этих языков и причастиями, и основами соответствующих времен изъявительного наклонения. Однако А. Н. Кононов в своей грамматике турецкого языка не выделяет причастие как неизменяемую по лицам форму глагола: «Причастие в турецком языке (за одним исключением: причастие на *-(y)an/-(y)en*) не представляет собой особой морфологической категории; турецкое причастие это только одна из синтаксических функций некоторых временных основ изъявительного наклонения».⁶ В грамматике А. Н. Кононова убедительно показано, что глагольные формы на *-аг/-ег*, *-миş..*, *-(y)acak/-(y)ecek* не являются причастиями в строго терминологическом значении этого слова и лишь по своим синтаксическим функциям совпадают с этой глагольной категорией языков других семей. Укажем также, что форма на *-ан/-эн*, *-ен*, которая в турецком, азербайджанском и гагаузском языках выступает только как причастие, в туркмен-

ском языке служит, кроме того, и основой повествовательно-неопределенного прошедшего времени, например: *gәren* 'он увидел (когда-то)', *gәrenler* 'они увидели (когда-то)'.⁷

Примерно то же самое наблюдается и в функционировании так называемых первичных деепричастий на *-a/-ә, -e* и на *-ып*. Форма на *-a/-ә, -e* в турецком, азербайджанском и туркменском литературных языках не принимает личных аффиксов и считается деепричастием. Однако в туркменских диалектах форма на *-a/-e, -й* (подобно форме на *-ып*) активно участвует в оформлении временных форм изъявительного наклонения, например, в човдурском диалекте *ал-а-дыр* 'он берет', *гел-е-дир* 'он идет' (сюда); в нохурском диалекте *ал-а-мән* 'я беру', *гел-ә-мән* 'я иду (сюда)' и т. п. Подобные формы встречаются также в туркменском фольклоре и в литературном (письменном) языке XVIII—XIX вв.

Во многих азербайджанских диалектах также употребляется форма настоящего времени на *-а-ду, -е-ду/-а-ды, -ә-ди*, образованная путем присоединения к «деепричастию» на *-a/-ә, -e* аффикса сказуемости *-ды(р)* в различных фонетических вариантах. Такой же формой выражалось настоящее время глагола в азербайджанском литературном языке XIV—XV вв.⁸

Если для огузских литературных языков использование формы на *-a/-ә, -e* в качестве основы настоящего времени является достоянием прошлого и сохранилось лишь в диалектах, то в башкирском и татарском литературных языках деепричастие на *-a/-ә, -й* и теперь, как известно, служит основой настоящего времени, например, *ал-а* 'берет', *кыл-ә* 'приходит', 'идет (сюда)', и прошедшего незаконченного времени, например, башк. *ала ине*, тат. *ала иде* 'он брал (тогда)'.⁹

Форма на *-ып* в турецком и гагаузском языках не изменяется по лицам и считается деепричастием. Однако в азербайджанском языке форма на *-ыб, -иб, -уб, -үб* выполняет функции не только деепричастия, но и личной формы глагола, являясь основой прошедшего повествовательного времени. Деепричастие и прошедшее время на *-ыб* считаются омонимичными формами.¹⁰ В туркменском языке форма на *-ып* относится к деепричастиям, но вместе с тем образует давнопрошедшее время на *-ыпды* и прошедшее субъективное время на *-ыпдыр* и *-ыпмыш*.¹¹

В карачаево-балкарском языке У. Б. Алиев выделял сказуемые, выраженные причастиями и деепричастиями. Так, например, «сказуемое предложения *Мен Москвагъа письмо джазгъанма* может быть и глаголом прошедшего времени изъявительного наклонения, и причастием прошедшего времени с предикативным аффиксом. В первом случае данная фраза будет означать: 'Я написал в Москву письмо', во втором случае — 'Я есть тот, который написал в Москву письмо'». ¹² Различие в грамматическом выражении сказуемого — формы на *-гъан* определяется, по мнению У. Б. Алиева, интонационными средствами: если логическое ударение падает на сказуемое, то оно представляет собой личную форму

глагола, а если на предшествующее ему дополнение, то сказуемое в той же форме на *-гъан* является причастием.

Сказуемые, выраженные деепричастиями, «образуются при помощи предикативных аффиксов, присоединяемых к деепричастию». ¹³ В данном случае имеется в виду форма на *-ыб*, например: *Осман Москвагъа* письмо *джазыбды* букв. 'Осман в Москву письмо написавши есть'. Там же У. Б. Алиев указывает, что «деепричастие как сказуемое без предикативного аффикса встречается только в сказуемых придаточных предложениях времени и образа действия».

Таким образом, в карачаево-балкарском языке формы на *-гъан* и на *-ыб* функционируют и как личные, и как неличные, причём считается, что причастия и деепричастия могут выступать в функции сказуемого простого и сложного предложения.

Приведенные факты говорят о том, что границы между личными и неличными формами глагола в тюркских языках очень зыбкие. Те глагольные формы, которые в одних тюркских языках считаются личными, в других выступают как неличные, и наоборот. Целый ряд глагольных форм трактуется как грамматические омонимы в одних и тех же языках, так как эти формы функционируют в предложении и как сказуемые, и как определения или обстоятельства. На наш взгляд, многофункциональные глагольные формы в тюркских языках не являются в собственном смысле слова ни личными, ни неличными, т. е. к ним не подходят общелингвистические определения личных форм глагола, причастий и деепричастий. Поэтому утверждение о том, что в тюркских языках неличные формы глагола (причастия и деепричастия) могут выступать в функции сказуемого придаточного предложения (не говоря уж о простом предложении), представляется в принципе беспочвенным, так же как и противоположное утверждение — что личные формы глагола могут употребляться в атрибутивной и адвербиальной функциях, «превращаясь» при этом в причастия и деепричастия. Очевидно, следует говорить о морфологически и синтаксически недифференцированных формах глагола, которые исторически могли равно употребляться в различных функциях в предложении и отчасти сохранили это свойство и до настоящего времени. Первичная полифункциональность и морфологическая нерасчлененность тюркского глагола была обусловлена спецификой агглютинативного строя тюркских языков, а именно, возможностью употребления чистых корней и основ в качестве самостоятельных слов. При этом конкретизация грамматического значения слова осуществлялась, главным образом, его синтаксической позицией и контекстом. Историческая недифференцированность тюркского глагола на причастия, деепричастия и личные формы, конечно, с трудом совмещается с современным представлением о глаголе, например, в русском языке, так же как недостаточная морфологическая дифференцированность тюркского имени на имена существительные, прилагательные и наречия противоречит привычному представлению об именных частях речи.

Тем не менее эти особенности исторически свойственны строю тюркских языков, и объясняются они не какой-либо «ущербностью» или «неразвитостью» тюркских языков, а принципиальным отличием их грамматической структуры от структуры языков других семей, в частности, индоевропейской.

Исходя из предложенной рабочей гипотезы, согласно которой глагол в тюркских языках являлся формально и функционально недифференцированным на личные и неличные формы, можно предположить, что последующая эволюция глагола происходила путем функциональной специализации отдельных форм; в одних языках данные формы стали употребляться лишь в функции сказуемого (т. е. с предикативными аффиксами), в других — в функции определения или обстояательства, утратив предикативную функцию. Форма на *-ды* во всех тюркских языках, как известно, выступает только в функции сказуемого, образуя основу прошедшего (законченного или категорического) времени глагола, хотя можно предполагать, исходя из различных гипотез об именном происхождении этой формы,¹⁴ что она в древности выполняла и другие синтаксические функции. Процесс функциональной дифференциации целого ряда глагольных форм продолжается и в настоящее время, о чем можно судить по функциональному распределению форм на *-р*, *-ган/-ан*, *-мыш*, *-ажак*, *-ыл*, *-а/-э*, *-е* и некоторых других в современных тюркских языках.

Что касается зависимых конструкции с «неличными» формами глагола в функции сказуемого, по поводу которых тюркологи еще не пришли к единому мнению, то представляется наиболее целесообразным считать их особой структурной единицей, как предлагает Н. З. Гаджиева, не идентичной ни придаточному предложению, ни деепричастному или причастному обороту. Однако основанием для такого выделения этих конструкций, с нашей точки зрения, служит не то, что исторически глагольное предложение, находясь в препозиции, подвергалось трансформации путем «превращения» его сказуемого — личной формы глагола в причастие, деепричастие или отглагольное имя,¹⁵ а то, что в основе этих конструкций исторически лежат особые глагольные формы, не дифференцированные на личные и неличные. В самом деле, различие между сказуемым зависимой и главной части предложения в тюркских языках в принципе заключается в том, что сказуемое главной части принимает специальные предикативные показатели (так называемые аффиксы сказуемости). Эти аффиксы являются показателем законности простого или сложного предложения и присоединяются равно и к глагольному, и к именному сказуемому, занимающему в предложении конечную позицию. Естественно, что сказуемое зависимой, подчиненной части предложения, предшествующей главной части, не может принимать аффиксов сказуемости, т. е. показателей лица. В противном случае зависимая часть превратилась бы в самостоятельное предложение и утратила бы подчиненное положение по отношению

к главной части. Таким образом, употребление сказуемого зависимой части предложения без личных показателей обусловлено самой структурой подчинительных конструкций бессоюзного типа в тюркских языках. Для конкретизации подчинительных отношений между главной и зависимой частями предложения к подчиненному сказуемому, выраженному «общей» глагольной формой, присоединяются различные грамматические показатели, частицы и т. п., образуя разнообразные производные формы, употребительные в тюркских языках. Так, например, в турецком языке А. Н. Кононов рассматривает так называемые деепричастия только в аспекте синтаксиса, указывая, что «под этим термином в грамматиках турецкого языка объединяется довольно многочисленная группа различных по своему происхождению отглагольных форм; в большинстве случаев это — отглагольные имена в косвенном падеже».¹⁶ Такие отглагольные образования вполне естественны для тюркских языков, если исходить из понятия основных, не дифференцированных на личные и неличные, глагольных форм, обладающих определенными модально-временными значениями. Поэтому говорить об историческом процессе трансформации можно, на наш взгляд, только в отношении образования из двух независимых простых предложений одного сложного целого — подчинительной конструкции, т. е. новой синтаксической единицы, возникшей на каком-то древнем этапе развития синтаксического строя тюркских языков. Но относить процесс трансформации к самому сказуемому зависимой конструкции, считать, что личные формы глагола в данном случае превращались в неличные — причастия, деепричастия, а также отглагольные имена, едва ли есть достаточные основания.

При квалификации придаточных предложений в тюркских языках, как нам представляется, следует исходить из их общелингвистических моделей (с союзной, относительной и бессоюзной связью), широко представленных в современных тюркских языках.¹⁷ Подчинительные же конструкции с различными отглагольными образованиями, имеющими самостоятельный субъект действия, являются особой структурной единицей, для которой нужно ввести и специальное терминологическое обозначение (абсолютные конструкции или какой-либо другой термин).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кононов А. Н. Тюркская филология в СССР, 1917—1967. М., 1968, с. 12. Здесь же указана основная библиография по данному вопросу.

² Гаджиева Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, с. 236.

³ Кузнецов П. И. Форма на *-дык* и придаточные предложения тюркского типа. — В кн.: Иностранные языки, № 1. М., 1965, с. 112; Гаджиева Н. З. Основные пути развития. . . , с. 212 и сл.

⁴ Гордлевский В. А. Грамматика турецкого языка. М., 1961, с. 47. — В кн.: Гордлевский В. А. Избранные сочинения, т. 1—4. М., 1960—1968; Баскаков Н. А. Каракалпакский язык, т. II, Фонетика

- тика и морфология, ч. 2. М., 1952, с. 414; Абдурахманов Г. А. Исследование по старотюркскому синтаксису (XI век). М., 1967, с. 47, 52—54.
- ⁵ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, с. 140.
- ⁶ Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, с. 251.
- ⁷ Грамматика туркменского языка, ч. I. Фонетика и морфология. Ашхабад, 1970, с. 268.
- ⁸ Рустемов Р. Азербайжан дили диалект ва шивеләриндә ф'ел. Баку, 1965, с. 58.
- ⁹ Дмитриев Н. К. 1) Грамматика башкирского языка, с. 145, 147; 2) Современный татарский литературный язык. М., 1969, с. 219, 224.
- ¹⁰ Грамматика азербайджанского языка. Баку, 1971, с. 143.
- ¹¹ Грамматика туркменского языка, с. 266, 270, 272.
- ¹² Алиев У. Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1972, с. 133.
- ¹³ Там же, с. 135.
- ¹⁴ См.: Кононов А. Н. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. ТС, М.—Л., 1951, с. 112.
- ¹⁵ См.: Гаджиева Н. З. Основные пути развития. . . , с. 213.
- ¹⁶ Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого. . . , с. 474.
- ¹⁷ См.: Ширалиев М. Ш. Сложноподчиненные предложения в азербайджанском языке. — ВЯ, 1956, № 1; Абдуллаев А. З. Сложноподчиненное предложение в современном азербайджанском языке. Баку, 1963; Гайдаржи Г. А. Типы придаточных предложений в современном гагаузском языке. М., 1971; Аскарова М. А. Способы подчинения и типы придаточных предложений в современном узбекском языке. Ташкент, 1963; Закриев М. З. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, с. 304—335.